

Мин. газ. 1970, 19 авг., № 34

ЛЕТНИЕ гастролы в Москве — еще один активнейший театральный сезон, не менее интересный москвичей, нежели осенне-зимняя каждодневность родных столичных театров. Москвичи встречали этим летом Киевский академический театр имени Франко, Ленинградский театр имени Пушкина, Омский драматический театр, Татарский академический театр имени Камала и многие другие коллективы.

Какие уроки стоило бы вынести из этого всесоюзного показа, из этого похода искусства сгранные в Москву — театральную Мекку?

Некоторые общие проблемы, естественно, возникали, причем важны они двусторонне — и для самих коллективов, возвращающихся домой, и для московской сцены, умеющей и любящей учиться, брать лучшее у своих гостей.

Главное, что привлекало в спектаклях, показанных в Москве, — обращение к человеческому сердцу. Хотелось бы напомнить читателям известное ленинское высказывание о роли искусства: «Оно должно объединять чувство, мысль и волю... масс...». В гастрольных спектаклях нынешнего лета мы не увидели почти ни одного, где бы холодные расчеты заменяли душу, где бы сложная символика уводила от радостных переживаний. Человек и искусство остались друг с другом, как оставались они наедине и всегда, когда ложное «новаторство» не уничтожало дыхания жизни, не делало естественности страстей.

И первым в ряду тех театральных коллективов, которые обратились к душе человеческой, был Киевский театр имени Франко, сумевший сказать о явлениях жизни на языке искусства. Сегодня стоит напомнить об этой простейшей истине, потому что иногда возвращение к основам поражает, словно открытие. Театр имени Франко такими своими спектаклями, как «Украденное счастье» (режиссер Г. Юра), «Лимерияна» (режиссер В. Лизогуб), «Ярослав Мудрый» (режиссер Б. Мешкин), «Маруся Богуславка» (режиссер Д. Чайковский), всколыхнул самые благородные человеческие чувства — любовь к Родине, способность осознать себя частью народа, ненависть к несправедливости. Причем благороднейшие эти порывы души были исторгнуты чувствами, открыто и сильно пережитыми на сцене героями. Переживание порождает сопереживание. Театр достигал осуществления лучшей мечты всех своих подвижников: он пробуждал высокие мысли и добрые чувства, он совершал очищение, смехом и слезами, обнажая в сердцах — сердца.

На первое место в театрах, которые мы видели этим летом, вышел Актер, именно с ним, с большим талантливым актером, и связана эта особая эмоциональность спектаклей.

Один за другим прошли перед зрителями актерские таланты. Вот в «Лимерияне» И. Куманченко играет роль пьяненькой крестьянской вдовы, у которой богатей взяли все, взяли и единственную красавицу-дочь. Как играет Куманченко? Так играет, что вот уже и уехал Театр имени Франко домой, вот уже и новые наслонились впечатления, а все помнишь трагические глаза и бесшабашную удачу несчастной Лимерихи. Все

помнишь этот голос, горький от слез и веселый от вина, все помнишь эту женщину в черном вдовьем наряде, вдруг гневно и трезво сказавшую всю правду в лицо сельским хищникам.

Вот Н. Шутько в спектакле «Украденное счастье». Его Микола Задорожный (а в роли этой москвичи видели незабываемого Бучму!) потрясает зрителей. Потрясает удивительная, развернутая актером от первой до последней буквы, энциклопедия души маленького человека. И новое есть в этом исполнении — трагический юмор, потребность в бунте, недюжинный ум, лишь прикрытый маской смешного.

Давно знали мы О. Куценко, но каждый раз заново попадаем в плен ее обаяния, ее актерской драматической силы. А как играют М. Заднепровский, В. Дальский, Е. Пономаренко в спектакле А. Корнейчука «Память сердца»!

Но не только струны добрые умеют задевать ак-

тинская осень», он был газетчиком в спектакле «Справедливость — мое ремесло» («Возраст расплаты»). Великолепное сочетание есть в даровании Горбачева — комизма и драматизма, не отдельно: комик — в одних ролях, трагик — в других, но — вместе. Именно это и создает один из перспективных современных жанров — трагикомедию.

Давно уже известно, что на нашей театральной периферии есть крупные и самоцветные актерские таланты. Генерала Карбышева, славного земляка омичей, играл в спектакле Омского театра «Так начиналась легенда» А. Щеголева. Задача перед актером стояла одновременно и ясная, и очень сложная. Действительно, два пути наметилось у нас в театральных рассказах о героизме. Либо приподнятый романтизм, либо заурядность. Здесь же актер искал и нашел свой путь (конеч-

отметить спектакли: «Так начиналась легенда» Киржнера и Мозгунова, «Мария» Салынского (Омский драматический театр), «Память сердца» Корнейчука (Театр имени Франко). Вот, пожалуй, и все.

Можно было бы предъявить, целый ряд упреков драме «Так начиналась легенда» — много наплывов из прошлого, тормозящих действие, иллюстративность подчас заменяет психологию. Но упреки — упреками, а тот факт, что театр любовно создал в своих стенах новую пьесу о замечательном герое Великой Отечественной войны, — факт примечательный.

Пьеса Салынского «Мария» идет сегодня во многих и многих театрах. Но в Омском театре она звучит не так, как повсюду. Здесь — свое видение происхождения. Главное не в том, кто победит в конфликте — надо или не надо взрывать мраморные залежи, чтобы проложить дорогу, — главное в том, чтобы люди жили красиво и техника никогда не заслоняла человека.

«Память сердца» Корнейчука — живой, непринужденный рассказ о современности. Автор не связывает себя никакими канонами драмы. Но есть у этой пьесы логика внутренней правды, нравственного смысла. И в спектакле возникает серьезный спор о типе жизни: жизни, не отделяемой от судьбы народа, и жизни обывательской.

Но таких пьес, спектаклей, повторю, мало. На афишах периферийных театров. Мало их и у нас, на столичной сцене. Общая это беда...

Как поправлять ее? Не опуская рук искать, искать умные новые пьесы, видеть таланты, крепить возникшие связи с драматургами. Помнить, что современная пьеса — это и есть современный театр.

В спектаклях летнего сезона не было — и это приятно — вольного обращения с классикой. Тем удивительнее выглядело, когда та или иная постановка напоминала о худших образцах «свободного творчества» с гениями. «Дикарка» в Омском театре — интересный спектакль, в котором многим очень понравилась молодая актриса Аникина. И вдруг финал, совершенно не похожий на финал пьесы Островского. Там героиня, выходит замуж, здесь же, на сцене, одинокая, она упрекает мир наживы. Помимо того, что за Островского писать не надо, думается, его финал куда интереснее. Дикарка, выходящая замуж за дельца-помещика, прелестный характер, переставший быть необычным, становящийся заурядным, — здесь больше истинной драмы, нежели в истерическом крике под занавес.

...Разные были в Москве коллективы, но роднило их общее — ярко выраженное стремление к рассказу о сильной личности, о крупном характере. В один вечер мы знакомимся с бесмертием Карбышева, в другой — с патристическими деяниями Ярослава Мудрого, в третий — с революционной биографией Артема, в четвертый наслаждались умом и юмором Сирано, в пятый вместе с бедняком Тарасом Голотом шли к ленинской правде, в шестой входили в круг дел и размышлений секретаря райкома Марии Одицовой, в седьмой...

Летние гастролы в Москве продолжают. Успехов вам, дорогие наши гости!

И. ВИШНЕВСКАЯ

ГАСТРОЛЬНОЕ ЛЕТО СТОЛИЦЫ

теры этого театра. Всех, кто видел спектакль «Правда» А. Корнейчука, несомненно, поразила острейшая сатирическая миниатюра, созданная актером А. Гашинским в роли Керенского. Резкий черно-белый гротеск был здесь так же откровенен, как в других ролях спектакля — полное, доброе чувство. Смелость в изображении красивого сочетается на украинской сцене со столь же смелым изображением безобразного, порождаемый гнев не менее плодотворен для нравственного очищения, чем и порождаемая в зрительном зале радость.

С большим удовольствием вспоминают москвичи встречу с актерами Ленинградского академического театра имени Пушкина. В который раз шел спектакль «Перед заходом солнца», в который раз роль Маттиаса Клаузена играл Н. Симонов. И в который раз думалось о том, что же такое истинная классика. Наверное, истинная классика — это глубочайшее совпадение твоих мыслей, твоей судьбы с тем, о чем ты читаешь, что видишь на сцене. Великая мысль, крупным планом поданная актером, о том, что даже в смерти побеждает естественность человеческих чувств, — эта мысль близка всем. И заново подарил ее нам трагический и светлый талант Николая Симонова.

И. Горбачев показался в этот приезд театра удивительно всесторонне. Мы видели его главным героем в спектакле «Час пик», он играл Булгарина в драматической композиции «Бол-

но, не без участия режиссера Я. Киржнера). В исполнении Щеголевым роли Карбышева отошло все случайное, осталось основное — огромная человечность, воспитанное годами уважение к людям, понимание своего долга как единственно возможное поведение во всех обстоятельствах. Мир — значит честный труд гражданина, война — значит безупречный труд бойца. Запоминается лицо Карбышева — Щеголева. Лицо человека, ставшего героем, потому что он был человеком.

В Омском театре еще много интересных актеров, как, впрочем, и в других театрах. Рассказывать обо всех не наша сегодняшняя задача, мы просто хотели показать на нескольких примерах, как фигура Актера, не уходящая в тень режиссерской «исканий», помогает придать спектаклю и современность, и эмоциональность.

Но вот что становится особенно очевидным, когда на сцену выходит хороший актер, — качество драматургии, с которой он вынужден иметь дело. Печально, если актерский талант не встречает поддержки, опоры в литературе. Не станем говорить о классических произведениях — их отличают глубокие характеры, содержательный текст. Но вот советская современная пьеса, как с ней обстоит дело в театрах?

Новых пьес до крайности мало — и не только на гастрольных афишах киевлян, ленинградцев и омичей.

Из немногих работ о современности хотелось бы